

Азот Мелкоян

Самый красивый **мужчина**

— Этот ресторан всегда открыт, — сказал Рэм. — Его владелец считает — и в этом я не могу с ним не согласиться, — что измученная дорогой душа нуждается в хорошей отдушине...

— Однако опаздывает твой дружок. — Луиза заметно нервничала, то и дело поглядывая на часы. — До отлета всего час остался.

— Придет, вот увидишь. — Рэм сделал большой глоток. — Он тебе не кабы что, он — джентльмен. Скажу даже больше: это единственный джентльмен из всех, кого я когда-либо знал.

Стены зала отражали умиротворяющую мелодию, сплетающуюся с причудливой игрой цветов и объемных пластических фигур, сотканных из света. Да и сам ресторан был подобен сверкающему аттракциону, озаряя многоцветными огнями величественную в своей мрачности пу-

© Перевел с болгарского Евгений Харитонов

стыню. И казалось, что это затерянное в оранжевых песках одинокое здание своей праздничной беспечностью бросает вызов такой бездонной, такой зовуще-липкой всепоглощающей ночи.

В это время здесь бывало особенно людно. Мужчины собирались шумными компаниями, чтобы как следует «оттянуться», — потрепаться о том о сем, поделиться свежими байками о далеких землях и немыслимых в их реальности женщинах, прежде чем под утро расплзтись по паутине подземных артерий в тесные кубообразные комнатухи без окон, которые, однако, по старинке именовали гордым словом «дом». А следующим вечером все повторялось: механики, навигаторы, инструкторы шумной, возбужденно-потной гурьбой вваливались в никогда не закрывающийся ресторанчик, спеша занять лучшие места у стойки бара, и их натруженные тела с блаженством падали в объятия музыкально-огненной мешанины. Ибо — так повелось когда-то, и так будет всегда...

— А ты хорошо его знаешь? — впервые за все время произнесла Стелла. Природная застенчивость прозвучала и в голосе. Да и по всему было видно, что она не слишком уверено чувствует себя в этом месте. Хрупкая, чувственная, с глазами, подобными прозрачным овалам спелого винограда, она казалась чем-то нереальным, почти чужеродным в этом жестком мире, словно бы слепленная из снов одиноких мужчин.

— Бог мой, да с самого детства! — вскричал Рэм. — Мы вместе выросли и никогда не разлучались. Этот парень — мой лучший друг, вот!

— Значит, он обещал прийти? — густой румянец окрасил щеки Стеллы.

— Времени еще достаточно, а он никогда не опаздывает. Запомни, детка, ни-когда! Нет такой стихии, которая могла бы его задержать.

— И все же я чувствую себя... как-то неловко... Не знаю... может, это потому, что не вполне уверена в правильности всего этого... Не знаю, зачем я согласилась, ради чего?..

— Ну, не волнуйся ты так. Я ему все популярно изложил: что, типа, летим оттянуться на Ганимед, и что с Луизой будет подруга... Так что будь спокойна — он в курсе. А вчетвером мы чудненько проведем время. С моим приятелем, Стелла, никогда не соскучишься — он такой парень!.. Отныне и навсегда забудешь самое понятие «одиночество», уж поверь мне!

— Ты говорил, что он тоже из космической разведки? — Луиза всегда считала эту профессию высшей ступенью в социальной иерархии.

— Да, уж тридцать годков, как работаем в связке.

— И так уж ни разу не опаздывал? — недоверчиво спросила Стелла и тут же смущенно опустила глаза, будто устыдившись своего вопроса.

— Ни разу! И вообще, он невероятно точен во всем: в действиях, в мыслях, в решениях. Да это практически сверхчеловек! Поверь, такого мужика ты еще никогда не встречала, это я тебе говорю!

Музыка стихла и бар снова наполнился многоголосым гомоном. Мужчины все пребывали и пребывали, пока не оккупировали почти все пространство ресторана, так что хрупких девушек в этой сутолоке едва не задавили.

— Слыхала когда-нибудь о Стреле-300? — спросил Рэм, когда толчея, наконец, слегка рассосалась.

— Нет.

— Красивая планета. Единственные ее обитатели — еумолии.

— Кто-кто?

— Еумолия Тератос — так называют их ученые. Ну, это... что-то

вроде нашей орхидеи... Только размером побольше — вот с этот ресторан, а бывают и еще крупнее. Очень красивые эти... орхидеи, вот только хищники... Плотоядные. Чуть замешкаешься, а они свои стебелечки к тебе уж тянут. Да так скоренько — глазом моргнуть не успеешь, как окажешься в объятиях такого цветочка. Да только упаси Бог тебя от такой любви. Объятия смерти, это уж точно...

— Бр-р, какой ужас. — Стелла зябко поежилась.

— Вот-вот. М-да... Я тогда делал снимки и так увлекся, что, видимо, утратил всякую бдительность... Во всяком случае, я не сразу осознал опасность, когда вдруг почувствовал это едва ощутимое, почти нежное прикосновение... Я так толком ничего и не успел понять. В какое-то мгновение... нет, долю мгновения он метнулся ко мне, сбивая с ног... Да, истина: он никогда не опаздывает. Он... он закрыл меня собой.

— И это спасло твою жизнь.

— Как видишь. В общем... я потерял сознание. Потом... сквозь плену небытия в меня просочились какие-то звуки... стоны. Я открыл глаза и увидел его — он лежал метрах в двух от меня — не живой, не мертвый, а его лодыжку плотным кольцом стягивал стебель еумолии. Я выстрелил, но эта тварь умирает чудовищно медленно. И в смертельной агонии она продолжает сжимать свою жертву, дробя ей кости...

— А потом? Что стало с его ногой? — Стелла вся подалась вперед.

— Что? — Рэм вынырнул из плена воспоминаний. — А, нога... Вдребезги нога... Я же говорю, эта гадина дробит кости, как... Пойду-ка закажу нам еще выпивки. — Рэм медленно поднялся и нетвердой походкой двинулся к бару.

— Жуткая история, — только и проронила Стелла.

Когда Рэм вернулся, девушки стояли у обзорного окна, молча и задумчиво смотря на унылый песчаный пейзаж.

— Вот и я, девочки! Ну же, потерпите еще немного. Вот он придет, погрузимся в лунолет и — вперед, к Ганимеду! Ты будешь самой счастливой женщиной, Стелла, это уж точно. Рядом с ним женщины всегда счастливы.

— Опаздывает, — не без ехидства напомнила Луиза.

— Ну, я велел ему быть между семью и восемью. А до восьми еще четверть часа.

— Стелла нервничает, потому что...

— Нет-нет, все нормально. — Несколько рассеянно отозвалась Стелла. — Можно у тебя спросить?.. Сколько лет твоему другу?

— Мы ровесники... Но я, конечно, рядом с ним — так, с боку-припеку. Он несправедливо красив и обаятелен.

— Хм, так уж прям красив?

— Не то слово! Самый красивый мужчина всех времен.

— Ну сколько же можно ждать, Рэм? Ты так сладко его расписываешь, что мне уже просто-таки не терпится взглянуть на это чудо природы... Хоть одним глазком. — Луиза заговорщицки подмигнула Стелле. — Впрочем, наверняка ты его так нахваливаешь только потому, что он твой друг.

— Вот еще! — обиделся Рэм. — Можно подумать, будто мой друг уже не может быть самым красивым мужчиной всех времен! Вот придет, и сама убедишься. Верно Силита однажды сказала: «Он настолько красив, что глаза против воли смотрят на него».

— А кто эта Силита?

— Диспетчер с Мнемозины. Когда-то мы частенько бывали на этой планете, и не было случая, чтобы вдруг не навестили Силиту. Она — очаровательная девочка.

— Ага, значит, ты был влюблен в нее? И скрыл от меня эту историю, паршивец! — Луиза из всех сил пыталась придать своему возмущению игривую нарочитость, хотя было заметно, что она и в самом деле ревнует.

— Да ничего я не скрывал! Давно это было, вся эта ... любовь. Как обычно, мы приезжали вдвоем, по традиции — с большим букетом и бутылкой легкого вина, празднично перевязанного ленточкой. Силита ждала нас и всякий раз радовалась нашему появлению, как ребенок... Но в какой-то момент я заметил, что он стал избегать встреч с ней, постоянно искал повод, чтобы не идти...

— Но почему? — спросила Стелла.

— Почему-почему... Да потому, что любил ее!.. А она была моей девушкой... Да что там любил! — он обожал ее!.. Нет, я, конечно, не ревновал. Я все понимал, мы ведь — друзья с детства.

— М-да, это уже становится интересно, — Луиза нервно усмехнулась. — Значит, у вас была еще и общая любовница, так надо понимать?

— Почему общая? — Рэм искренне удивился. — Ничего подобного, Луиза. Я же говорю — он всегда был истинным джентельменом. Знаешь, что он мне однажды заявил? Никогда, Рэм, никогда, — сказал он, — не прикаснусь я к ней. А если же такое вдруг случится, то самолично отрублю руку, коснувшуюся девушки моего друга. По самое плечо, Рэм, отрублю... А ты говоришь.

— А что Силита?

— Она и по сей день работает на Мнемозине... Только мы не бываем там больше... Уже не бываем... Если же тебя интересует ее отношение к нему... М-мм... однажды она призналась мне: «Он так красив, что глаза сводит от изумления!» Необычное сравнение, да? Но она права — он и в самом деле дьявольски, магнетически привлекателен!

В помещении было душно, и Стелла расстегнула верхнюю пуговку на блузке, освобождая горло. «Хороша! — думал Рэм, украдкой разглядывая девушку. — Чертовски хороша! Она просто совершенство!» Еще Рэм думал о том, как было бы здорово, если его друг и Стелла полюбят друг друга. Какая чудесная получилась бы пара, а он, Рэм, стал бы самым счастливым человеком в этой галактике. И не только потому, что за ним остался долг, — они ведь друзья.

— Что, Рэм, Силита вспомнилась?

— Да ну тебя, Луиза! Ей Богу, ты ревнива, как малолетка какая! Силита — всего лишь эпизод далекого прошлого.

— Ага, мужики всегда так говорят. И между прочим, этот твой дьявольский красавчик, джентельмен и еще не знаю кто — должен был давно быть здесь...

— Не беленись, детка, у него еще шесть минут.

Какое-то время они молча пили, погрузившись каждый в свои мысли. Время, казалось, ползло мучительно медленно, как в провинциальном городке. Ресторан постепенно опустел и вокруг стало просторно и как-то одиноко. И только застоялые горькие надежды по-прежнему витали в нем.

— Вряд ли он придет, — проронила Стелла.

— Придет, придет. Я знаю его больше сорока лет, и за все это время он опоздал лишь однажды.

— Ага, вот видишь! — почему-то обрадовалась Луиза. — Значит, сегодня будет второй раз.

— Тогда были другие обстоятельства, Луиза. В криогенной лаборатории случилась авария... Сейчас уже и не вспомню всех подробностей... В общем, начался пожар... Всем пожарам пожар, — здание вспых-

нуло в мгновение ока, словно ворох бумаги. А у нас было всего несколько минут, чтобы увести весь персонал в безопасную зону... Вот тогда-то он и опоздал. Один единственный раз.

— Он не пришел?

— Нет, он был как раз там...

— И его бросили в такой ситуации?

— Не бросили... просто он опоздал. Выбрались без него, — нельзя было рисковать десятками жизней ради одной.

— А говоришь — джентельмен, королевская пунктуальность! Я думаю, что и красавец он только в твоих рассказах. Ты просто набиваешь цену своему дружку. А Стелле я сама смогу подыскать парня... На Ганимеде, кстати, есть один знакомый. На худой конец, мы и втроем неплохо повеселимся, разве не так?

— Заткнись, Луиза! Никого мы не будем искать. Мы дождемся его, потому что он НИ-КОГ-ДА не опаздывает. А в тот раз... Понимаешь, в суматохе и панике все забыли про котенка...

— Про кого?! — Луиза подумала, что ослышалась.

— На станции жил котенок, маленький такой, смешной. В общем, мой друг вернулся туда — за ним.

— За котенком?! Он что, еще и сумасшедший? Рэм, да только совсем сбрендивший тип мог...

— Ничего подобного! Он нормальнее любого из нас. Просто кошки всегда были его слабостью. Что же тут ненормального?

Повисла минутная пауза, в течение которой снова молча выпили.

— Я думаю, он и в самом деле не придет. — сказала Стелла.

— О Боже! Стелла, и ты туда же! Да никуда он не денется, сколько раз долдыхить! Я тебе обещаю, сегодня ты будешь самой счастливой женщиной в Космосе. Рядом с моим другом все женщины чувствуют себя счастливыми.

— Ну, это ты уже говорил... Слушай, а ты точно велел ему быть не позже восьми?

— Точнее не бывает. И он придет в тот самый момент, когда часы покажут комбинацию из трех цифр: восемь и два ноля. Именно тогда двери распахнутся и войдет он. Ни секундой раньше, ни секундой позже. Я-то знаю его.

— Выходит, еще две минуты.

— Две. И это означает, что он всего в двух минутах ходьбы отсюда.

Минуту спустя Стелла все же не выдержала:

— Ну, все! С меня довольно. Сожалею, ребята, но не хочу вам более надоедать. На Ганимед вам лучше полететь без меня.

— Сядь, он всего лишь в минуте от нас, а это — около пятидесяти шагов. Имей терпение, при его ходьбе он преодолевает примерно пятьдесят метров в минуту... Вот сейчас он наверняка остановился у торгового павильона внизу, чтобы купить жевательную резинку, — уж очень любит он жвачку. Продавщица выдала ему сдачу. Он взял монеты левой рукой, потому что правой... Это, впрочем, неважно. Сейчас он направляется сюда. Он идет не спеша, потому что не любит приходить раньше условленного времени. А теперь он вошел в лифт и нажал самую верхнюю кнопку... Он встал спиной к зеркалу... Потому что терпеть не может зеркал. Черт знает почему, но не любит зеркала. Может, это как-то связано с тем, что говорила Силита?.. А вот сейчас двери лифта открылись, и он...

Рэм не обманул, в то самое мгновение, когда на часах высветились три цифры, первая из которых была восьмеркой, а две другие — нолями, двери ресторана отворились и вошел ОН. Высокий, с мускулистым

торсом и абсолютно седой гривой волос. Одет он был небрежно — в широкие синие штаны и свободную полурастегнутую рубаху. Легкое прихрамывание выдавало наличие протеза... Правая рука отсутствовала. По самое плечо. Пустой рукав перехватывал серебристый широкий ремень. Лицо, изборожденное множеством швов, облепили яркие темно-красные пятна давних ожогов, а от левого виска через щеку пролегал глубокий фиолетовый шрам, оставленный, вероятно, острым ножом. Он пересекал лицо, шею и уходил ниже, теряясь под воротом рубахи...

«Вон тот шрам... Это, наверное, след еумолии... А этот — оставил котенок... Или, может, Силита?..» — мысли Стеллы путались. Она вдруг почувствовала, что накопившаяся за годы одиночества безысходная нежность вот-вот прольется наружу, а заждавшееся, полузабытое тело пробуждается от тягостного, застоялого сна. Она вздрогнула и сильно зажмурилась, все еще не веря в возможность происходящего с ней.

— Боже мой, Рэм, ты не обманул... Он такой...

— Ну, а я что говорил! Стелла, я же предупреждал: глаз не сможешь оторвать... От изумления. Ведь перед тобой — самый красивый мужчина во всех времен!

ОБ АВТОРЕ:

МЕЛКОНЯН Азоп (1949—2006). Прозаик, литературовед, переводчик, журналист, издатель, один из ведущих и авторитетных авторов болгарской НФ 1980—1990-х гг. Родился в г. Бургас в семье армянских эмигрантов. Начальное образование получил в Бургасском Армянском училище; закончил пловдивский электротехникум, Политический университет (1974) и факультет журналистики Софийского университета. В печати дебютировал в 1968 г. Был одним из основателей «Библиотеки «Галактика» издательства «Г. Бакалов» (1979—1990); в 1990—1991 гг. — издатель и главный редактор журнала фантастики «Омега», в 1997 г. организовал новый фантастический журнал — «Върколак» (с 1999 г. — «Зона-F»). Лауреат многих премий, в т.ч. — «Золотого пера» Союза болгарских журналистов, премий Министерства просвещения и культуры, Министерства науки и техники и др. Мелконян — первый лауреат национальной жанровой премии «Гравитон» (София, 1991) — за вклад в развитие болгарской фантастики. Живет в Софии.

Рассказы и повести Мелконяна включены в НФ-антологии многих стран. Автор книг фантастической прозы «Память о мире» (1980; рус. — 1988), «Греховно и неприкосновенно» (1983), «Via Dolorosa» (1987), «Смерть в раковине» (1994, 2004), «Сумятица в душе» (2004). Кроме того, А.Мелконян был активным популяризатором науки, автор нескольких научно-популярных книг, многочисленных публикаций. Составитель НФ-антологий и переводчик русскоязычной НФ.